

НИКОЛАЙ СЛЮНЬКОВ

*Существуют две истории:
история официальная, которую преподают
в школе, и история секретная, в которой
скрыты истинные причины событий.*

Оноре де БАЛЬЗАК

Николай Слюньков... В тот памятный день он приехал в свой московский госплановский кабинет, как обычно, к девяти утра. Приехал в последний раз, чтобы очистить столы от бумаг. Впереди ждала работа на посту председателя Госплана Белоруссии в милом ему сердцу Минске. Он часто в кругу друзей повторял: готов от Москвы до Минска идти пешком, только бы отпустили.

Значительно позже в разговоре со мной А. Аксенов признался: «Почти около года я вел беседы в ЦК КПСС и Совете Министров СССР и просил, чтобы отпустили Николая Никитовича Слюнькова, заместителя председателя Госплана СССР, из Москвы, чтобы он возглавил Госплан республики. Наконец, Председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков дал согласие...»

Но случилось неожиданное — умер Тихон Яковлевич Киселев. Помнится, многие предрекали, что пост Первого секретаря ЦК КПБ займет Александр Никифорович Аксенов, тогдашний премьер республики, а Николай Никитович заменит его, премьера. До этого Аксенов прошел по многим коридорам власти — в руководстве белорусского комсомола, КГБ, МВД, Витебском обкоме партии, второй секретарь ЦК КПБ.

А тут выбор пал на Николая Никитовича. По воле Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, «выдвиженцу» на Госплан республики придется скоро стать полновластным хозяином Белоруссии. А случилось это так.

Александр Симуров в одной из публикаций рассказывал:

«За разбором бумаг и размышлениями Слюнькова застал телефонный звонок секретаря ЦК КПСС И. В. Капитонова.

— Собираешься? — спросил Иван Васильевич и, не дожидаясь ответа, сказал: — Надо повременить с отъездом. Без моего звонка билет пока не бери. И никуда не отлучайся.

Часа через два последовал второй звонок от Капитонова:

— Быстренько приезжай ко мне...

Войдя в приемную Капитонова, Николай Никитович увидел распахнутые двери пустого кабинета. Секретарь сообщила:

— Иван Васильевич просил вас подняться в зал заседаний Политбюро...

И здесь долго не задержали. Обращаясь к Слюнькову, Юрий Владимирович Андропов, ведущий заседание, сообщил как уже решенное:

— Вы просились вернуться на работу в Белоруссию? Мы удовлетворяем вашу просьбу — поедете туда в качестве Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Прошедшей ночью скончался товарищ Киселев. Поедете вместе с товарищем Капитоновым. Ему поручено провести организационный Пленум. Желаем успеха...

Известие о смерти Киселева, с которым еще вчера разговаривал по телефону, неожиданное, новое назначение, свалившееся сразу, буквально ошеломили. Он вернулся в приемную Капитонова, чтобы подождать хозяина кабинета и договориться о дальнейших действиях.

— Вылетаем в Минск, чего тут договариваться, — объявил Иван Васильевич. — Соберем пленум и все решим на месте. Решение Политбюро сообщим на Пленуме.

Так в январе 1983 года Первым секретарем ЦК КПБ был избран Н. Н. Слюньков, который также постарался наложить вето на имя Машерова.

Обстановка в стране, жившей во власти Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова, была сложной и напряженной. Его план по «спасению социализма» состоял в следующем: в стране вводится железная дисциплина сверху донизу; координированно идет разгром инакомыслия, ужесточается борьба с коррупцией и заевшейся номенклатурой; под строгим контролем происходит некоторое перераспределение благ сверху вниз; убираются из номенклатуры все, кто неугоден КГБ.

Свой план Андропов еще при Брежневем начал «моделировать» в Азербайджане. Алиев, став по рекомендации Андропова Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, действует решительно и безжалостно. По всему Азербайджану прокатилась волна арестов, обысков, проверок, смещений. Со службы выгнали примерно 2000 чиновников, просеяли через сито спецслужб все номенклатурные должности. Как и при всяком набеге, взяли богатые трофеи. Нашли тайники, набитые пачками денег, бочонки с золотыми монетами и ювелирными украшениями, банки с алмазами, платиновые и золотые слитки.

Следующий удар был нанесен в Грузии. Затем КГБ развернул «боевые действия» в Средней Азии, однако здесь набеговая тактика дала осечку. На пути московских оперативно-следственных бригад намертво встали сросшиеся с мафией местные партийные и чекистские структуры. Местные чекисты боялись собственных вождей больше, чем московских, и Андропов вынужден был это признать.

О положении в стране Андропов знал больше других. На всех номенклатурных уровнях — воровство, коррупция, пьянство, безделье, непрофессионализм. Всё это распространялось со скоростью лесного пожара. Но системный анализ происходящего был ему не по плечу. В отличие от Андропова Леонид Брежнев понимал, что человек живет только один раз, а потому жизнь нужно проживать сытно. Андропов же «к корыту» относился равнодушнее других членов Политбюро. В отличие от гурманов, пьяниц, охотников, рыбаков, «населявших» кабинеты на Старой Площади и в Кремле, он, как и Суслов, аскетничал. Брежнев знал, что при социализме правят люди, а не законы. Идеалы — для дураков. Противовесом Андропову он сделал Сулова, зная о неприязни их друг к другу. К тому же Сулов постоянно грозил Андропову разобраться, по какой это причине разведчики бегут на Запад.

Всем своим нутром, отточенным в партийных интригах и многолетних смертельных играх на партийном и чекистском поприще, Андропов чувствовал, что его час настает. Необходимо было без промедления встряхнуть огромную империю, но для этого требовалась чрезвычайная обстановка, на которую надеялся Андропов с самого начала пребывания на посту шефа КГБ.

С чего он начал, помнит большинство ныне живущих. С отлова женщин в парикмахерских, мужчин — в пивных, с проверок прихода и ухода на работу, с запрещения пьянства на производстве. Чиновники затряслись: у каждого место, может быть, так себе, но непальное и престижное. Рабочие и колхозники к тому времени уже давно были «электрифицированы»: им всем и всё — до лампочки: понижать — некуда, а выгонять — незаменимы. Работать всё равно некому. Всё это происходило может «скромнее» и в Белоруссии, где порядка было побольше.

Говорят, что высший армейский генералитет подумал о военном перевороте в социалистическом лагере, об этом существует много свидетельств. Увлекал опыт других стран, когда на пути от тоталитаризма к демократии устанавливалась временная автокра-

тия военных. Заговор тогда не удался, но сразу же начались странные совпадения.

2 декабря 1984 г. в результате «острой сердечной недостаточности» скончался член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны ГДР, генерал армии Гофман.

15 декабря на 59-м году жизни в результате «сердечной недостаточности» скоропостижно скончался член ЦК ВСРП, министр обороны Венгрии, генерал армии Олах.

16 декабря на 66-м году жизни в результате «сердечной недостаточности» скоропостижно скончался министр национальной обороны Чехословакии, член ЦК КПЧ, генерал армии Дзур.

20 декабря скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, маршал Советского Союза Дмитрий Устинов.

Что за «мор в декабре» напал на министров обороны? Интересно, не правда ли?

Даже, будучи председателем КГБ, Андропов так и не смог толком узнать, какой золотой запас страны и сколько золота добывается ежегодно. Разные ведомства давали разные справки. Сведения Госбанка и Внешэкономбанка были туманными. Международный отдел и Управление делами ЦК ссылались на отсутствие сводных данных, финансовая комиссия Верховного Совета испуганно моргала глазами, а Министерство финансов, ссылаясь на собственные источники, заявило, что золотой запас страны составляет 2100 тонн. Было ясно, что остальное можно было обнаружить только с помощью обысков и пристрастных допросов.

Вереница убийств, самоубийств, таинственных падений в лестничные проемы... Но Андропов так и не узнал, куда уплывают алмазы. Да что там алмазы! Куда-то налево уходили миллионы тонн нефти, и концов было не найти. По городам и весям огромной страны полетели шифровки об арестах: за антисоветскую агитацию и пропаганду в письменной, устной или иной форме; за хранение и распространение печатных изданий антисоветского содержания, видеоматериалов, предметов наглядной агитации и иных, направленных на ослабление советского государственного и общественного строя; за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй; за религиозную пропаганду вне отведенных для этого специальных мест; за валютные операции и контрабанду предметами антиквариата... Таких «за» было не счесть.

Начали арестовывать и стрелять крупных воров: «сочинское дело», «икорное дело», «торговое (трегубовское) дело» в Москве,

«хлопковое дело» с самоубийством Рашидова, шумное всесоюзное «милицейское дело» с самострелом супругов Щелоковых.

От размаха коррупции в Стране Советов у Андропова голова шла кругом. Теперь он стоял перед дилеммой: или наносить удар в самое сердце «Зазеркалья», или на этом остановиться. Но тогда вся борьба бессмысленна, если сохранить главный штаб и мозг коррупции. Говорят, на очереди были Гришин, Промыслов, Кунаев, чуть ли не половина работников ЦК и Совмина.

Тут необходимо сделать небольшое историческое отступление. Похоронив в 1953 году Сталина и убрав Берию, высшая номенклатура заключила негласный договор, что «ныне и присно» партийцев из номенклатуры не будут пытаться и стрелять в чекистских застенках. Формально партаппарат был убран из-под колпака спецслужб. Вот этот-то «священный договор» и нарушил Юрий Владимирович Андропов.

Но как только Генсек вступил в серьезную конфронтацию с номенклатурой, он исчез. Иностранцам сообщили, что он гриппует, слегка нездоров и прочее. Через несколько месяцев его увидели. Но в гробу. Андропов так напугал номенклатуру своим «большевизмом», что она с перепугу сразу же сделала Генсеком Черненко — хоть на грани, да свой. Репрессии сразу же прекратились, к рабоче-крестьянскому запою подключилось мелкое и большое начальство.

Если бы судьба отвела Андропову больше времени, события в стране развивались бы, возможно, совсем по другому сценарию...

Подтянув вожжи управления, которые были выпущены Брежневым, он решительными и крутыми мерами смог в течение года встряхнуть общество от безответственности и лени и только за счет дисциплины и организованности поднять производительность труда более чем на 3 процента.

Критически относясь к достижениям социализма, о чем он откровенно заявил уже в своих первых выступлениях в роли руководителя партии и государства, Андропов стал инициатором реформирования экономических отношений советского общества. Подготовку таких предложений он, как известно, поручил в самом начале М. Горбачеву и Н. Рыжкову. Можно также с уверенностью предполагать, что, будучи убежденным коммунистом, Андропов никогда не отказался бы от руководящей роли КПСС и всё сделал бы, чтобы процесс ее обновления опередил все остальные перемены в стране.

Слюнькову от Киселева досталось непростое наследство: спад производства, усугубившийся дефицитом товаров повседневного спроса и особенно — продуктов питания.

Напутствуя нового руководителя Белоруссии, Андропов сказал:

— Всё, что произведешь на полях и фермах сверх установленных планов, можешь оставить в республике для нужд населения.

И ему — вольно или невольно — пришлось закручивать гайки, превращаться в хозяйственного администратора, теряя свое политическое лицо. С политической арены стала исчезать «партийная интеллигенция». На первые роли в руководящих органах республиканской парторганизации на всех уровнях стали выдвигаться технари — люди, окончившие сельскохозяйственные либо технические вузы. Даже в отдел пропаганды и агитации ЦК на должности инструкторов требовались инженеры, технологи, работавшие на заводах начальниками цехов, участков.

Ничего плохого не хочу сказать об этой многочисленной категории специалистов. Среди них немало прекрасных организаторов производств, и на должность инструктора отдела пропаганды и агитации можно было подыскать прекрасного работника и из этой среды. Но когда это становилось принципом, системой...

Изъяны такого подхода не замедлили сказаться. Политические дискуссии многие из так называемых технократов не умели вести. Они не владели политическими методами работы. Эти люди шли на партийную работу, как правило, хозяйствовать, широко насаждая административно-командный стиль. А это был стиль работы и самого Слюнькова. Характерно, что еще в бытность первым секретарем Минского горкома партии его называли «директором горкома». В здании ЦК Компартии КПБ он стал «директором ЦК».

Киселев и Аксенов, в конечном счете, прочили Слюнькова на должность председателя правительства. Госплан был лишь временной пересадкой, поскольку имелась вакансия. Киселев знал, что в ближайшее время Аксенов должен уехать на дипломатическую работу, и готовил ему замену. В свою очередь Аксенов, зная о подлинном состоянии здоровья Киселева, не без оснований тоже заботился о преемнике. Может быть, так оно всё

и свершилось бы, не будь Генеральным секретарем ЦК КПСС Юрий Андропов — человек, ставивший на первом месте интересы дела. Вот и получается, что «схватка бульдогов под ковром» в данном случае завершилась не в пользу строгой, годами сложившейся субординации.

Был ли готов Слюньков к исполнению столь ответственной и масштабной политической работы? В поисках ответа на поставленный вопрос нам придется вернуться назад, проследить становление его как личности, как специалиста и руководителя, оценить многие его поступки и жизненное кредо в целом. А заодно разобраться в истоках его жесткой позиции при решении любой проблемы.

* * *

Николай Никитович Слюньков родился в местечке Городец Рогачевского района Гомельской области в 1929 году. Горьким, голодным и холодным было детство сельского паренька в годы военного лихолетья. Безотцовщина тоже наложила свой отпечаток. Когда ему исполнилось шесть лет, умер отец — Никита Тарасович — от туберкулеза. На руках у матери — Аксиньи Васильевны — осталось четверо детей: трое парней и девочка. О воспитании их говорить не приходится. Они росли предоставленные самим себе. Не по годам рано научились выполнять все деревенские работы — пасли скотину, косили, ходили за плугом, сушили торф на соседнем болоте. Изба в войну сгорела и пришлось ютиться в сарае, утепленном жердями и соломой.

Нужда не только голодать заставляет, но и вырабатывает жизненные силы, побуждает к деловой хватке, подталкивает к не по возрасту ранним серьезным мыслям и действиям. Именно в те трудные военные годы Коля начал зарабатывать хорошие деньги. Он запасся трофейными камерами от подбитых на военных дорогах грузовиков и принялся клеить резиновые обувки-бахилы. Да так наловчился, что мать на вырученные деньги вскоре смогла купить телку.

В юном возрасте ему пришлось начать трудовую деятельность. Он окончил школу, потом Минский автомеханический техникум по специальности «техник-механик».

Не легче было и после поступления в техникум. В две недели раз, а то и в каждое воскресенье он спешил из Минска домой в родной Городец, что на Рогачевщине, бежал трусой бо-

лее восьми километров от ближайшего железнодорожного полустанка, наскоро отдохнув, набирал в мешок картофель, сухари и еще, чего Бог посылал, опять возвращался к товарняку.

— Я приехал в Минск в августе 1946 года — Минск был весь в руинах. Было страшно — город абсолютно развален, — вспоминал Слюньков. — А среди руин мысли о науке, забота о нашем потенциале. Преподаватели, как на подбор — очень серьезный и ответственный народ. Или нам так казалось в те времена, изголодавшимся по книгам. Мы впитывали знания, как губка. Мне лично было легко учиться, я ничего не записывал. Лекции откладывались в голове, как в компьютере. Так легко уходил в науку — можно было снаряды взрывать рядом и ничего не слышать. Наверное, так учились не все...

Послевоенные годы — тяжелое испытание: чем мы питались? Как жили? Выдавали нам, студентам, карточку Р-5, у рабочих была отдельная, несколько побогаче. Но и что по ней купишь? Тарелку борща из крапивы — вот тебе и вся еда. Неподалеку, в столовой, стояли бочки с крапивой, швыряли эту массу в котел, варили — и получали порцию похлебки. Нам, правда, рвать и заготавливать крапиву не приходилось. Каждый пропитание добывал по-своему. Я подрабатывал на заводе. Никакой помощи из дому не получал.

Для меня Минск начался просто: сел на крышу вагона и оказался в столице. Пришел в отдел кадров автозавода, сказал:

— Я хочу работать. Профессия? Могу косить, могу дрова рубить.

— Пойдете в железнодорожный цех. Грузчиком. Вот вам аванс.

И тут же — чудо! — выписывают аванс — сто рублей. Боже мой, какое это было счастье! Живые деньги, которых я и в глаза не видел. На душе — взрыв эмоций. Я наконец почувствовал под ногами землю.

Страна заботилась о каждом. Начиналось великое время. Я, сирота, всего хлебнул. Все дороги мне были открыты — и на улицу, и в тюрьму. Не было рядом родных, чтобы помочь, посоветовать — сам формировал себя, искал свой путь. И в этом вся страна помогала мне. Потому я был и остался приверженцем социалистической системы.

Да, жили мы бедно, но радовались жизни, радовались созданию, в котором участвовали. У нас было абсолютно ясное будущее, уверенность в завтрашнем дне. Вот такая система была.

И кто ее создал? Трудолюбивый народ, восемьдесят процентов которого составляли крестьяне, половина — безграмотные. Беднейшая, измученная страна, стала самой грамотной, сильной державой в мире, с передовой наукой! Величайшая страна! От сохи вырвалась в космос...

На Минский тракторный завод Николай Слюньков прибыл после окончания техникума, в июне 1950 года, и был направлен помощником мастера в дизельный цех, на участок колесчатых валов.

В это время коллектив завода работал напряженно, готовился к выпуску первых дизельных моторов и первых тракторов КД-35. И этот день наступил. 4 ноября 1953 года с конвейера сошел первый гусеничный трактор.

Коллектив завода восторженно приветствовал рождение первенца белорусского тракторостроения. Вместе со всеми радовался трудовой победе и Николай Слюньков: частица и его труда была заложена в первом двигателе и тракторе.

За шесть лет он дошел до начальника дизельного цеха. Учителя у него были сильные — деловые, резкие, в требованиях жесткие. Директор Александр Тарасов чего стоил! Вспоминали, что однажды на заводской планерке за перебой на главном конвейере из-за неритмичной подачи моторов Тарасов так рассвирепел, вошел в такой раж, что грохнул по столу кулаком-кувалдой. Настольное стекло разлетелось вдребезги, поранив осколками руку. Кровь хлынула, заливая стол, белую рубашку... А он вне себя орал на молодого Слюнькова: вон с завода! Отберите у него пропуск! Он поставляет не продукцию, а навоз!

Три дня провалялся в квартире обиженный и оскорбленный молодой специалист. И вдруг — телефонный звонок. В трубке негодующий голос Тарасова:

— Ты почему не на работе?

— Вы же сами меня выгнали...

— Я тебе покажу «выгнали»... Мальчишка... Обиделся...

Сейчас же в цех!

Вот так в те годы в большинстве случаев решали производственные дела.

Партийная организация, присмотревшись к молодому специалисту, заметила в нем ряд ценных качеств — бескорыстие, честность, контактность с людьми и способность к полной самоотдаче в труде. Он работал, если надо, сутками. Именно

с учетом этого в январе 1957 года тракторозаводцы избрали его заместителем председателя завкома профсоюза, а в ноябре — председателем. И на этой работе Николай Никитович проявил себя грамотным и инициативным руководителем, много делал по организации социалистического соревнования и мобилизации коллектива на успешное выполнение плановых заданий и принятых обязательств.

В социалистическом соревновании завод не раз завоевывал первые места с вручением Красного Знамени. Большая работа проводилась по налаживанию быта работающих, их отдыха, по решению социальных вопросов, развитию спорта, культурного отдыха.

Сложная обстановка сложилась на соседнем заводе запасных частей. Предприятие долгое время находилось в прорыве, затянулось освоение производства, планы не выполнялись.

Решением руководства Совнархоза в 1960 году Слюнькова назначают директором Минского завода запасных частей. Совмещая работу руководителя предприятия с учебой в Белорусском институте механизации сельского хозяйства, без отрыва от производства, заканчивает его и получает диплом инженера-механика.

Он принимает решительные меры по ликвидации допущенных просчетов на заводе. Перестраивается работа технических отделов, производственных, экономических, снабженческих и других служб.

Налаживается работа производственных цехов, инструментального производства. В дополнение к утвержденному проекту быстро строится корпус площадью 10 тысяч кв.м, где размещаются инструментальный цех, ремонтно-механический и цех по изготовлению оборудования производственных процессов.

В короткие сроки завод вышел из кризиса и за пять лет поднялся на уровень передового в министерстве, в своем профиле, производства. По внедрению новых технологий — на уровень лучших достижений отрасли.

* * *

В 1965 году Николай Слюньков вернулся на тракторный завод... директором.

Минские тракторостроители досрочно завершили годовой план. Народному хозяйству было выдано сверх плана продукции на 6 миллионов 83 тысячи рублей, в том числе 150 тракторов и

на сотни тысяч рублей запасных частей. В этом была большая заслуга всего коллектива, в том числе и его молодого директора Слюнькова. Ему шел 37-й год.

Николай Никитович оказался способным организатором производства, проявил большую творческую смелость, принимая ответственные решения сложных вопросов.

Постановлением Совета Министров СССР Минскому тракторному заводу в течение полутора лет нужно было наладить производство техники для обороны страны. Свободных мощностей и площадей не было, завод работал в три смены. Требовалось построить крупный производственный корпус с необходимым количеством механообрабатывающих цехов, термообработки, сборочного цеха, цеха испытаний с полигоном. В это время увеличилась нагрузка на литейные, кузнечный, прессовый, инструментальный и другие цеха. За полтора года было создано новое производство сложной оборонной техники. В установленный правительством срок с конвейера сошла первая машина, был выполнен годовой план поставок, а затем и производственные задания всех последующих лет.

Шло время. По установленному графику из ворот завода выходили универсальные пропашные тракторы и самоходные зенитные установки. Но конструкторы не останавливались на достигнутом.

Менялись поколения конструкторов. Новички жадно перенимали опыт старших. А поучиться было у кого.

Специалисты ОКБ разработали конструкцию бронированного мощного быстроходного гусеничного самохода, не имеющего аналогов в мире. За создание этого комплекса, к разработке которого было привлечено много различных научных и конструкторских организаций, внедрение его в производство большая группа научных сотрудников и конструкторов была награждена орденами, а нескольким специалистам, в том числе их начальнику В. А. Коробкину, присудили Ленинскую премию.

Здесь во всю мощь раскрылся талант Николая Слюнькова как организатора крупномасштабного поточного производства. Кульминационным пунктом его директорствования стал, конечно, период перехода предприятия на выпуск тракторов МТЗ-80 и МТЗ-82. И это всё происходило без остановки конвейера. Кроме решения трудных технических задач, проверялся директорский характер, его прочность, последовательность, принципиальность руководителя.

Освоив проектные мощности по производству 75 тысяч тракторов в год, коллектив завода продолжил работы по дальнейшему совершенствованию тракторов, разработке новой модели МТЗ-80/82, которая позволила на 35 процентов повысить производительность труда в сельском хозяйстве, обеспечила расширение внешнего рынка, держала тракторы на уровне мировых достижений тракторостроения.

Но требовалась очередная реконструкция завода, более полное техническое перевооружение. Необходимо было задействовать передовые технологии.

Рассмотрев предложения тракторозаводцев, союзное министерство отказалось включать Минский тракторный завод в планы технического перевооружения на пятилетку, мол, у министерства много проблем, и без них обойдется страна. А предприятие было в передовиках, освоило мощности, выпускало тракторы высокого качества, которые пользовались большим спросом в стране, экспортировались в 57 стран мира. По экономическим показателям и результатам хозяйственной деятельности завод являлся передовым в отрасли на протяжении многих лет. Поэтому чиновники и отказали в реконструкции, а вместе с тем и в постановке на производство трактора МТЗ-80.

Исчерпав возможность решения судьбы завода в министерстве, руководство обратилось в Совет Министров СССР с просьбой рассмотреть на заседании президиума позицию министерства. Директор МТЗ рисковал многим.

Лишь под нажимом правительства страны министерство с большой неохотой изменило свое решение и включило завод в пятилетний план развития в предложенном минчанами варианте. Потом на протяжении многих лет в осуществлении принятого от министерства плана было не столько помощи, сколько помех. Николай Слюньков пробил дорогу новому трактору. При небольшой реконструкции предприятия страна получила крайне необходимую технику, а также выигрыш во времени в восемь—десять лет. Мы широко шагнули на мировой тракторный рынок, успешно конкурируя с самыми авторитетными зарубежными фирмами.

На заводе была проведена большая работа по реформированию экономической и хозяйственной деятельности, переводу предприятия на новые методы планирования, формированию фондов развития и социального развития коллектива.

Переход на новые условия хозяйствования позволил за короткий срок построить новый механический корпус площадью

40 тысяч кв. м, где разместился цех тракторных кабин и механический цех, цех точного стального литья с объемом выпуска 4 тысячи тонн, большой корпус с комплексом цехов для производства оборонной техники; наладить производство специальных тракторов МТЗ-50Х; провести заводские и государственные испытания крутосклонного трактора и новых машин МТЗ-80/82Х.

Завод увеличил гарантийный срок безотказной работы тракторов до двух лет. Вдвое сократились затраты на ремонт и обслуживание у потребителя. Венцом этой работы стало присвоение в декабре 1970 года всем моделям выпускаемых тракторов Государственного знака качества.

Впервые в тракторной отрасли и Белоруссии была внедрена автоматизированная система управления производством.

К 25-летию юбилею Минский тракторный стал крупнейшим предприятием отечественного машиностроения. На полях страны работали 900 тысяч тракторов МТЗ.

Генеральный директор Николай Слюньков много энергии вкладывал в развитие механосборочного комплекса и каждого цеха в отдельности. На заводе велась активная работа по перевооружению цехов металлургического производства. Внедрялись новые технологии в литейных цехах.

— Сейчас пляжу назад и понимаю — такая страна могла появиться, потому что все мы жили и трудились с максимальной отдачей, в едином порыве. Так жил Михаил Высоцкий, Михаил Лавринович, генеральный конструктор и директор МАЗа, так жил я. Так жили миллионы, — говорил Николай Слюньков. — Вспоминая прожитое, понимаю: люди такой величины, как М. Высоцкий, Нобелевский лауреат Ж. Алферов и многие другие, — наша гордость и слава — смогли достичь небывалых высот только благодаря социалистической системе, давшей равные права и возможности всем людям.

Система эта была построена на знании и труде. Ленин остался теоретиком, и, кроме цитат из него, мы ничего не знали. Практиком был Сталин, который сделал правильные выводы и оценки, что государство без индустрии — это голая территория и масса населения. То есть — одно название. И он в кратчайшие сроки сумел создать руками и умами тысяч гениальных творцов самую передовую экономическую науку — централизованное управление и планирование. И в одном кулаке держал все средства — финансовые, материальные, трудовые. И развивал в первую очередь стратегические направления!